

Председатель Государственного комитета СССР по охране природы **ВОРОНЦОВ** Николай Николаевич

СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ: родился в 1934 году, русский. Окончил Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Специальность — биолог-зоолог. Доктор биологических наук (1967); профессор (1972). Беспартийный. Был аспирантом, младшим научным сотрудником Ленинградского зоологического института Академии наук СССР, доцентом 2-го Московского государственного медицинского института имени Н. И. Пирогова. Работал ученым секретарем президиума Сибирского отделения АН СССР по биологическим наукам, являлся членом президиума Дальневосточного научного центра АН СССР, директором Биолого-почвенного института ДВНЦ АН СССР. С 1977 года — старший научный сотрудник, а с 1988 года — главный научный сотрудник Института Сиологии развития имени Н. К. Кольцова АН СССР. Участник и руководитель сорока одной научной экспедиции. Народный депутат СССР.

— Николай Николаевич! Когда и в связи с чем вы, научный работник, почувствовали необходимость активно включиться в политическую деятельность? Каким, на ваш взгляд, положениями вашей предвыборной программы обеспечили вам депутатский мандат?

— Политика никогда не была мне чужда. Почему? Ведь наука неотделима от общества, а общество немислимо без политики. А я — представитель биологии, история которой, к глубокому сожалению, все время сталкивалась с политикой. И мне с 1955 года пришлось активно участвовать в борьбе против Лысенко, отстаивать генетику. А поскольку Лысенко поддерживался в ту пору руководством, поскольку против генетиков выдвигались и политические обвинения, то участие в этой борьбе было и общественно-политической деятельностью. Приходилось отстаивать свою позицию. Считал долгом писать по этому поводу обращения в редакции газет, в правительство. Я был среди молодых учеников и сторонников Н. В. Тимофеева-Ресовского, и потому многие эпизоды романа Даниила Гранина «Зубр» для меня узнаваемы и связаны с реальными воспоминаниями.

В последние 13 лет я вел значительную научно-общественную работу: был вице-президентом одного из научных обществ Академии наук СССР. И вот оказалось, что наше общество в числе прочих 28 выдвигает народных депутатов. Никогда не думал, что удостоюсь этой чести. Сам я предложил выдвинуть кандидатом в депутаты известного эколога А. Яблокова, с которым мы работаем в одном институте. Предлагались и другие кандидаты. И совершенно неожиданно и Яблоков, и я получили мощную поддержку со стороны нашего научно-общества. Я был совершенно не го-

тов к этому. Но тогда я вспомнил — может, это покажется странным — ссылаться на зов предков, — но я вспомнил, что мой отец был делегатом III и VI Всероссийских съездов Советов, делегатом XI съезда партии. И был он в отличие от меня, беспартийного, членом партии с мая 1917 года, чем я очень горжусь. И это помогло мне решиться вступить в предвыборную борьбу.

Какие положения моей предвыборной программы обеспечили депутатский мандат? Дело в том, что у меня не было программы. Потому что программа — вещь конкретная. Она должна включать обещания. Знаете, у нас столько наобещали, что если просуммировать... Словом, я считал это несерьезным. И потому совершенно сознательно назвал свой предвыборный документ платформой. А платформа моя называлась так: «Разнообразие и устойчивость». О чем шла речь? В этой платформе я говорил о том, что и живые, и социальные системы имеют много общего. Есть, конечно, и масса различий, но много и общего.

Согласитесь: люди хотят жить в устойчивом обществе — в социально, в экологически устойчивой среде. А мы, биологи, хорошо знаем, что самое устойчивое биологическое сообщество — это сообщество, состоящее из максимума разнообразных видов. К примеру, это тропический лес, который состоит из многих десятков тысяч видов. А самое неустойчивое сообщество — тундра: здесь мало видов, и отсюда ее страшная уязвимость, ранимость. Устойчив луг, состоящий из множества видов. А как только мы применяем монокультуру, то ее уже нужно постоянно подкармливать удобрениями, защищать ядохимикатами. То есть монокультура жи-

вет в условиях постоянного подстегивания, своего рода стресса. Иначе она существовать не может. Она неустойчива, потому что «моно».

Отсюда аналогии и социальные... Мы долгое время жили в условиях социальной монокультуры. Но ведь и живые, и природные системы могут существовать только тогда, когда у них действуют принципы и прямой, и обратной связи. То есть связь не только сверху вниз, но и снизу вверх. И сейчас мы восстанавливаем эти обратные связи в нашем обществе. И сами выборы, и Съезд народных депутатов есть прямое восстановление принципа обратной связи. Эта цепочка должна у нас заработать.

Я совершенно убежден, что нам нужно разнообразие социальное, разнообразие мнений, разнообразие образования, разные типы школ. А то ведь у нас все образование рассчитано на своего рода десятиборцев. Человек ни в чем глубоко не раскрывается, не проявляет себя, но в среднем — отличник. А нам нужны разные способности, разные характеры.

Нам требуется сохранить и национально-культурное разнообразие в стране. В моем представлении это теснейшим образом связано с рациональным природопользованием — ведь каждая национальная культура имеет свои вековые традиции, связи с землей. А потеря этнического разнообразия ведет к разрушению связи человека с природой. Ведь та трагедия, которая сейчас происходит в Западной Сибири, она не просто связана с теми, кто варварски добывает нефть, не считаясь с природными условиями. Но, кроме всего прочего, в Сибири масса пришлого населения, которое не связано с культурой природопользования. Причем это природопользование существует не только у хантов и манси, не только у ненцев, но и у коренных русских сибиряков, которые уже прожили на этом месте три сотни лет.

Эту тему можно развивать и дальше. Но главное, что я хочу сказать, что и к природе, и к обществу применим единый системный подход. И это не биологизаторство, а выражение внутреннего единства мира.

— С созданием Госкомприроды СССР люди связывали надежду на скорейшее улучшение экологической обстановки в городах и регионах. Однако заметных сдвигов не произошло. Как бы думаете, почему? Что, на ваш взгляд, прежде всего надо сделать, чтобы природоохранная работа дала зримые результаты?

— Наивно думать, что за полтора-два года, прошедших после создания Госкомприроды, еще не вставшей на ноги, можно улучшить окружающую среду. Больше того, я хочу прямо сказать — быстрого улучшения ожидать в ближайшие годы нельзя. Будет идти постепенный процесс.

Конечно, экологические проблемы нужно решать быстро, но вместе с тем не надо это делать в спешке. Я думаю, что процесс создания органов Госкомприроды еще далек от завершения. Конечно, в наших местных органах есть люди, бескорыстно преданные делу охраны природы. Они есть не только среди специалистов-экологов,

но и среди хозяйственников, среди общественных работников. Но нельзя закрывать глаза и на то, что в систему Госкомприроды на местах попало очень мало людей, профессионально знающих дело охраны природы. Во многих случаях это были чисто аппаратные решения: когда надо было хорошо трудоустроить того или иного заслуженного человека, его назначали к нам.

Я думаю, что когда мне предложили возглавить Госкомприроду, то руководители Совета Министров СССР, очевидно, понимали, что они получают ученого, а не опытного министра. Значит, моя первоочередная задача — сплотить вокруг Госкомитета (в штате или вне штата) лучшие научные силы страны для выработки стратегии охраны природы. Среди тактических задач — организация собственной картографической службы, создание карт экологической обстановки в стране и регионах, которые должны быть у каждого руководителя. Для этого потребуются дополнительные исследования, многие годы работы. Но времени у нас нет. Природа больше не может терпеть насилия над собой.

— Какие экономические рычаги нужны комитету для успешного выполнения своих функций?

— Для того чтобы природоохранная работа дала зримые результаты, прежде всего нужно выработать новую экономическую концепцию этого дела. Мы ничего не добьемся до тех пор, пока не создадим и не приведем в действие такой механизм, когда наносить природе ущерб будет экономически невыгодно. В наших руках должны быть действенные экономические рычаги. Загрязнять природу должно стать невыгодно, причем невыгодно не только

министерству, но и конкретному заводу, конкретному работнику. Мы должны создать такую систему, когда рачительное отношение к ресурсам будет поощряться, а нерачительное — наказываться рублем. Очевидно, должна быть какая-то прогрессивная шкала налогов: с одной стороны — за перерасход ресурсов, за примитивные технологии и, с другой стороны — система материального поощрения за ресурсосбережение, за быстрое строительство очистных сооружений, за грамотное, то есть экологически сбалансированное природопользование.

— Каковы, на ваш взгляд, место и роль Госкомприроды в управлении народным хозяйством страны?

— Наш комитет должен стать советчиком при принятии тех или иных решений, имеющих экологические последствия. Он должен сосредоточить функции государственной экологической экспертизы. Наши задачи очень непростые. В отличие от других министерств и ведомств мы не производим тонны, не сажаем миллионы гектаров и т. д. Ведь даже Министерство здравоохранения имеет в некотором смысле план. У нас же этого нет. С одной стороны, наши функции исполнительные, потому мы и являемся органом Совета Министров, но, с другой стороны, и функции контрольно-распорядительные, а они, как известно, по Конституции являются функцией Советов народных депутатов. И поэтому, мне кажется, не случайно, что Верховный Совет Латвийской ССР принял решение о передаче республиканской Госкомприроды в подчинение Верховного Совета. Этот вопрос обсуждается и в других республиках. Я не думаю, что сегодня нам нужно всем пойти именно по этому

пути. Но вместе с тем, наверное, стоит рассмотреть вопрос о двойном подчинении Госкомприроды — Верховному Совету СССР и Совету Министров.

— В последнее время достаточно активной силой стали неформальные экологические организации. Как вы будете строить отношения с ними?

— Без отношений с ними я не мыслю своей работы. Но должен сказать, что здесь действуют очень разные силы. Подавляющее большинство этих людей — это искренние радетели природы. И даже если в чем-то мы с ними не согласимся, то их энтузиазм нельзя не использовать. Но некоторые деяния таких неформальных групп вызваны, так сказать, региональным эгоизмом: пусть это будет не у меня, а у соседа... Здесь мы должны руководствоваться не эмоциями, а научными данными и разработать понятие экологической емкости территории, должны строго научно доказать, сколько предприятий может выдержать та или иная территория без ущерба для природы и здоровья людей.

— Депутат и член правительства... Вы были и в одном, а теперь — в другом качестве. Как, на ваш взгляд, должны строиться взаимоотношения депутата и министра?

— Только на основе сотрудничества. У нас такие замечательные народные депутаты, что я бы многих из них с радостью привлек для работы по охране природы. Привлек бы с пользой для дела. Ведь это люди неравнодушные, заинтересованные, в постоянной помощи и советах которых я нуждаюсь. С другой стороны, я должен быть готов держать ответ перед депутатами и за свою работу, и за деятельность комитета.